

АНЖЕЛИКА ЯНЧЕВСКАЯ

ФИЩЕНКА 2

В АКАДЕМИИ ДРАКОНОВ

Анжелика Янчевская

Нищенка в академии драконов 2

<https://litres.ru/74204994>

Аннотация

Я — ошибка в мире драконов, полукровка с едва заметной искрой силы. Он — высокомерный наследник рода, дракон, чья ненависть ко мне обернулась обжигающей страстью. Но пока Радон борется за право быть со мной, из тени выступает могущественный ректор академии, знающий тайну моего происхождения. По его словам, древнее пророчество связывает нас как суженых. Оба хотят меня защитить, оба желают обладать мной. Кто друг, кто враг? И что скрывают тени, которые начинают мне подчиняться? Первая часть тут:

Содержание

1	4
2	9
3	14
4	28
5	36
6	44
7	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Первые лучи солнца проникали в комнату сквозь неплотно задёрнутые шторы, наполняя небольшое пространство мягким утренним светом. Я нехотя открыла глаза. Вернувшись вчера из Гиблого леса, мы были так измотаны, что едва я приняла душ, рухнула на кровать и уснула за доли секунды.

События последних дней кружились в моей памяти, словно водоворот: таинственный Гиблый лес, подчинявшиеся мне тени, странные откровения ректора, опасности, непростые выборы... и Радон. С того момента, как он при всех назвал меня своей девушкой, весь мой мир перевернулся.

Я помнила, как после короткого разговора с ректором мы с Радоном, измученные долгой дорогой, отправились не в свои комнаты, а к профессору Верису. Несмотря на поздний час, в его кабинете ещё горел свет, словно он ждал нас.

— Профессор, — обратилась я, осторожно постучав в приоткрытую дверь его лаборатории. — Извините за поздний визит.

Верис оторвал взгляд от пергаментов и улыбнулся, увидев нас. Его добродушное лицо озарилось искренней радостью.

— Меллина, Радон! Вернулись! И, судя по полным сумкам, не с пустыми руками?

— Мы решили, что некоторые образцы не стоит оставлять на ночь без надлежащей консервации, — пояснил Радон, всё

ещё держа меня за руку.

Профессор бросил быстрый взгляд на наши сцепленные пальцы, но ничего не сказал, лишь его глаза на мгновение расширились. Он жестом пригласил нас к своему рабочему столу.

— Показывайте, что вы принесли из царства теней, — с неприкрытым энтузиазмом произнёс он, потирая руки.

Я осторожно выложила свою добычу — серебристый мох, который менял цвет от прикосновения, прозрачные цветы с пульсирующей внутри жидкостью, похожей на ртуть, и, наконец, мой самый ценный трофей — крошечный флакончик со Слезами леса.

— Великие драконы! — выдохнул профессор, когда я достала последний пузырёк. — Это же... невероятно! Слезы леса — я думал, они легенда!

— Ректор помог мне их найти, — объяснила я, стараясь говорить небрежно, но Радон слегка напрягся рядом со мной.

— А ты, Радон? — Верис перевёл взгляд на моего спутника. — Что удалось собрать тебе?

Радон выложил на стол несколько кристаллов странной формы, светящихся изнутри пульсирующим алым светом. Их грани были настолько острыми, что, казалось, могли разрезать сам воздух.

— Кристаллизованная боевая мана, — пояснил он. — Редчайший компонент для усиления атакующих заклина-

ний.

— Потрясающе! — Верис благоговейно рассматривал кристаллы, но не прикасался к ним.

Мы провели ещё около часа, тщательно занося все в каталог и правильно размещая собранные образцы в специальных хранилищах лаборатории. Профессор задавал множество вопросов о свойствах ингредиентов, о том, где и как мы их нашли.

— Знаешь, Меллина, — сказал Верис, когда мы закончили, — я всегда знал, что у тебя особый талант. Не такой как у всех, но от этого не менее ценный.

Я смущённо опустила глаза. После всего пережитого в Гиблом лесу слова профессора приобретали новый, более глубокий смысл.

— Спасибо, профессор, — тихо ответила я.

— А теперь идите отдыхать, — мягко сказал Верис. — Завтра обычный учебный день, и вам понадобятся силы. Особенно тебе, Радон, — добавил он с многозначительным взглядом. — Новости в академии разносятся быстро.

Когда мы выходили из лаборатории, я услышала, как профессор тихо пробормотал себе под нос: «Надо же... сын Крегов и девочка из таверны... Интересные времена наступают».

От воспоминаний меня отвлек стук в дверь — тихий, но настойчивый. Я подскочила с кровати, быстро поправила смявшуюся одежду и провела рукой по спутанным волосам.

— Кто там? — спросила я, подходя к двери.

— Это я, — раздался знакомый голос, от которого моё сердце забилося чаще.

Я распахнула дверь. Радон стоял на пороге, безупречно одетый, его волосы были аккуратно собраны в низкий хвост, а на губах играла лёгкая улыбка.

— Доброе утро, — произнёс он, окидывая меня взглядом.
— Вижу, ты ещё не готова.

Я смущённо улыбнулась, осознавая, что всё ещё в сорочке.

— Дай мне пять минут, — попросила я, отступая в комнату.

— Я подожду, — кивнул Радон, прислонившись к дверному косяку. — Никуда не тороплюсь.

Я рекордно быстро умылась, переоделась в форму и расчесала волосы. Радон всё это время стоял у двери, терпеливо ожидая, словно часовой.

— Готова, — объявила я наконец, выходя к нему с небольшой сумкой для учебников.

— Позволишь? — он протянул мне руку, и я вложила свои пальцы в его ладонь. Это простое прикосновение отозвалось теплом во всём теле.

По коридорам академии уже сновали адепты, спешащие на занятия или в столовую. Когда мы шли, держась за руки, я замечала, как многие останавливались, провожая нас недоверчивыми взглядами. Кто-то шептался, показывая в нашу сторону, кто-то демонстративно отворачивался. Адеп-

ты младших курсов просто смотрели с любопытством, а вот старшекурсники, знавшие о статусе Радона и его помолвке с Селеной, выглядели искренне шокированными.

Радон, казалось, не замечал этого внимания или просто игнорировал его. Он шёл с высоко поднятой головой, держа меня за руку так естественно, словно делал это всю жизнь.

— Ты в порядке? — тихо спросил он, когда мы проходили мимо особенно активно шепчущейся группы адептов.

— Да, — ответила я, стараясь звучать уверенно. — Просто непривычно быть в центре внимания.

— Придётся привыкать, — улыбнулся Радон, и в его глазах я увидела нежность пополам с гордостью. — Ты теперь со мной, а значит, всегда будешь в центре внимания.

Когда мы вошли в столовую, гул разговоров на мгновение стих, а затем возобновился с удвоенной силой. Я почувствовала, как десятки глаз впились в нас, изучая, оценивая, обсуждая.

— Подожди здесь, — сказал Радон, указывая на свободный стол у окна. — Я принесу нам завтрак.

Я робко кивнула и направилась к столу, чувствуя, как взгляды следуют за мной, словно невидимые стрелы. Сидя в ожидании, я не могла не заметить Селену, расположившуюся за столом на другом конце зала. Она была окружена своими обычными прихлебателями — девушками из богатых семей, которые восхищались её статусом и надеялись получить частичку её блеска. Селена сидела с идеально прямой спиной, высоко поднятой головой, но даже через весь зал я видела, как она сжимала столовые приборы побелевшими пальцами.

Радон вернулся с двумя подносами, и мои глаза расширились при виде их содержимого. Вместо обычной овсянки и чёрного хлеба, которые выдавали адептам, на тарелках были свежие фрукты, нежный омлет с травами, ароматные булочки и какой-то экзотический напиток в высоких стеклянных бокалах.

— Что это? — прошептала я, когда он поставил поднос передо мной.

— Завтрак, — просто ответил Радон, присаживаясь напротив. — Из привилегированного меню.

Мне не нужно было напоминать, что это меню предназначалось исключительно для адептов из высших аристократических семей, которые платили дополнительно за особое питание.

— Но я не могу... — начала я, но Радон мягко прервал меня:

— Можешь. Со мной — можешь всё.

Я неуверенно взяла вилку и попробовала омлет. Он был божественно вкусным — нежным, воздушным, с тонким ароматом незнакомых мне трав.

— Вкусно? — спросил Радон, наблюдая за моей реакцией с улыбкой.

— Потрясающе, — честно призналась я.

Мы завтракали, негромко разговаривая о предстоящих занятиях и обсуждая некоторые из найденных в Гиблом лесу ингредиентов. Вокруг нас продолжались шепотки и косые взгляды, но казалось, что мы находимся в собственном маленьком пузыре, защищённом от внешнего мира.

Когда мы почти закончили, Радон вдруг стал серьёзным. Он отодвинул свой почти пустой бокал и посмотрел мне прямо в глаза.

— Меллина, — начал он, и я почувствовала, как мое сердце пропустило удар от того, как он произнёс моё имя. — Мне нужно уехать сегодня.

— Уехать? — эхом отозвалась я, чувствуя, как внутри всё холодеет.

— Ненадолго, — быстро добавил он, видя моё огорчение. — Отец прислал магический вестник сегодня утром. Судя по всему, Селена уже успела рассказать обо всём своему отцу, а тот связался с моим.

Я бросила быстрый взгляд через зал. Селена больше не смотрела в нашу сторону, но её губы кривились в подобии победной улыбки.

— Ты... — я запнулась, не зная, как спросить о том, что беспокоило меня больше всего. — Ты возвращаешься к прежней жизни?

Радон резко выпрямился, его глаза потемнели.

— Нет, — твёрдо сказал он. — Я еду домой, чтобы раз и навсегда прояснить ситуацию. Этот разговор нельзя откладывать, особенно теперь, когда всё зашло так далеко.

— Ты собираешься... — я не смела произнести это вслух.

— Разорвать помолвку? Да, — решительно ответил Радон. — Именно это я и собираюсь сделать. Сказать отцу, что я не женюсь на Селене, чего бы мне это ни стоило.

Я опустила глаза, чувствуя смесь облегчения и страха.

— Но родовые клятвы... — прошептала я.

— К чёрту родовые клятвы, — отрезал Радон, и его голос на мгновение привлёк внимание ближайших столиков. Он понизил голос и наклонился ко мне: — Ты нужна мне как воздух, Меллина. Я не позволю древним традициям и амби-

циям отца встать между нами.

Я смотрела в его глаза, такие решительные, такие уверенные, и не могла не верить ему. Но всё же червячок сомнения грыз моё сердце. Отец Радона был одним из самых влиятельных драконов в королевстве, человеком, чьё слово могло решать судьбы.

— А если он не согласится? — спросила я.

Радон накрыл мою руку своей.

— Я делаю выбор, — просто ответил он. — И этот выбор всегда будет в твою пользу, Меллина. Всегда.

Мы сидели так несколько мгновений, глядя друг другу в глаза, пока шум столовой не отдалился, став неважным фоном. В этот момент существовали только мы двое — наследник древнего рода и девушка из таверны, нашедшие друг друга вопреки всем препятствиям.

— Когда ты уезжаешь? — наконец спросила я.

— После обеда, — ответил Радон. — Не хочу затягивать с этим разговором. Чем дольше я откладываю, тем больше времени у отца на подготовку контраргументов.

Я кивнула, понимая его логику. Элемент неожиданности мог сыграть ему на руку.

— Я буду ждать, — сказала я, сжимая его пальцы.

— Я знаю, — он улыбнулся, и эта улыбка согрела меня изнутри лучше любого пламени. — И я вернусь к тебе, что бы ни случилось.

Звонок, возвещающий о начале занятий, прервал наш

разговор. Столовая начала пустеть, adeпты торопливо допивали чай и собирали свои вещи. Мы тоже поднялись, готовые отправиться на лекции.

— Увидимся перед моим отъездом, — сказал Радон, провожая меня до двери столовой. — У главных ворот, после третьей пары.

Я кивнула, чувствуя, как сжимается моё сердце при мысли о предстоящей разлуке, пусть и временной.

Пройдя несколько шагов, Радон вдруг остановился и, не обращая внимания на окружающих, притянул меня к себе. Его губы нежно коснулись моих в коротком, но полном чувств поцелуе.

— Чтобы ни у кого не осталось сомнений, — тихо сказал он, отстраняясь.

Я стояла, ошеломлённая его смелостью, чувствуя, как горят мои щёки. Вокруг нас слышались удивлённые вздохи и шёпот, который, я была уверена, разнесётся по всей академии в течение часа.

Радон подмигнул мне и направился к своей аудитории, оставив меня стоять с бьющимся сердцем и странным, но приятным чувством, что какой бы трудной ни была предстоящая битва, мы встретим её вместе.

Направляясь на урок зельеварения, я поймала на себе ещё один взгляд — серебристые глаза ректора Дракенхарта наблюдали за мной из тени колонны.

Наши взгляды встретились лишь на мгновение, но этого хватило, чтобы у меня по спине пробежал холодок.

Я поспешно отвела взгляд и направилась на урок зельеварения, пытаясь сосредоточиться на предстоящем занятии, а не на странном взгляде ректора или щемящем чувстве тревоги, которое поселилось в моей груди после известия об отъезде Радона.

День за днём проходили, но Радон не возвращался. Каждое утро я просыпалась с надеждой, что сегодня увижу его высокую фигуру в коридорах академии, услышу его низкий, хрипловатый голос, почувствую тепло его руки. Каждое утро эта надежда теплилась во мне, заставляя вглядываться в лица студентов, когда я шла на завтрак, искать знакомый силуэт в толпе, когда я переходила из одной аудитории в другую.

На большой перемене я часто поднималась на верхний ярус галереи, откуда открывался вид на двор академии и главные ворота. Я не ждала у ворот, как героиня слезливых баллад, просто на мгновение останавливалась, оглядывая двор и дорогу, ведущую к академии.

На третий день его отсутствия моя тревога переросла в глухое беспокойство. В библиотеке, куда я пришла готовиться к предстоящему экзамену по теории магических трансформаций, я случайно услышала разговор трёх девушек,

близких друзей Селены. Они сидели за стеллажом, не подозревая о моём присутствии.

— Вы слышали последние новости? — прошептала одна из них, высокая блондинка с холодными голубыми глазами и острым, как у птицы, профилем. — Селену вызвали домой. Срочно.

— Когда? — так же тихо отозвалась вторая, стройная шатенка с милым кукольным личиком.

— Сегодня утром. Она получила магический вестник прямо за завтраком, — ответила блондинка. — Я сидела рядом и видела, как она побледнела, когда прочитала его.

— А она не сказала, в чём дело? — поинтересовалась третья девушка, полная рыжеволосая адептка, которую я часто видела на занятиях по провидческой магии.

— Нет, но я случайно услышала, как она пробормотала, — блондинка понизила голос до едва различимого шёпота, и мне пришлось напрячь слух, чтобы расслышать. — Что-то о «семейном совете» и о том, что «наконец-то этого выскочку поставят на место». И ещё она упомянула, что «это её шанс вернуть всё на свои места».

— Думаешь, речь идёт о Радоне? — шатенка с кукольным лицом подалась вперёд. — О его... — она скривилась, словно проглотила что-то кислое, — увлечении этой полукровкой?

При этих словах моё сердце сжалось. Я знала, что они говорили обо мне, о нас с Радонем.

— А о чём же ещё? — фыркнула блондинка. — Конечно,

о Крэге. Говорят, лорд Харвин в такой ярости, что вот-вот полетят головы. Радону будет не так-то просто отделаться от своих обязательств перед семьёй.

— Особенно учитывая, что договор о помолвке скреплён клятвой, — добавила рыжая. — Мой отец говорит, что такие вещи нельзя просто взять и отменить. Это может стоить Радону наследства, а то и чего похуже.

— А что эта выскочка-полукровка? — шатенка снова скривилась. — Всё ещё надеется, что Радон Крег действительно бросит всё ради неё?

Блондинка тихо, но злорадно рассмеялась: — Многие до неё пытались охотиться за наследниками великих родов. Все они в итоге оставались ни с чем.

— А иногда и похуже, — мрачно добавила рыжая.

На этом я решила уйти. Осторожно, стараясь не выдать своего присутствия, я собрала книги и тихо выскользнула из-за стеллажа, направляясь к дальнему выходу из библиотеки. Слова этих девушек звенели у меня в голове, усиливая тревогу и страх, которые я пыталась подавить в себе с момента отъезда Радона.

После библиотеки я долго бродила по пустынным коридорам академии, пытаюсь сосредоточиться на чём угодно, кроме мыслей о Радоне, Селене, семейном совете и клятвах. Но эти мысли преследовали меня, как тени, от которых невозможно убежать.

Что, если Радон не сдержит своего обещания? Что, если

долг перед семьёй окажется сильнее его чувств ко мне? Нет, я не могла и не хотела в это верить. Но холодок сомнения уже закрался в моё сердце, отравляя каждый удар.

Четвёртый день без Радона начался с утренней лекции по алхимии трансформаций. Профессор Мериан, высокий сухопарый мужчина с козлиной бородкой и вечно прищуренными глазами, объяснял принципы изменения свойств веществ под воздействием различных компонентов. Мы работали с редкими ингредиентами, которые обычно хранились под замком в специальном хранилище.

— Сегодня, — объявил профессор, расхаживая между рядами столов, на которых мы расставляли свои алхимические приборы, — мы будем изучать свойства лунного цветка и его взаимодействие с различными элементами. Это редкое и ценное вещество, поэтому будьте предельно осторожны. Даже малейшая ошибка в пропорциях может привести к непредсказуемым результатам.

Я кивнула, расставляя колбы и мензурки на своём столе. Обычно я была внимательна и аккуратна в лаборатории, но сегодня мои мысли постоянно ускользали от меня, возвращаясь к Радону, к тому, что могло происходить в его родовом поместье, к тому, вернётся ли он вообще.

Профессор Мериан выдал каждому по маленькому флакону с переливающейся серебристой жидкостью. Мне достался флакон с небольшим сколом на горлышке, из-за которого крышка неплотно прилегала.

— Первый этап эксперимента, — продолжил профессор, — изучение реакции лунного цветка на корень мандрагоры. Добавляйте порошок очень осторожно, буквально щепотку. Слишком большое количество может привести к нестабильной реакции.

Я осторожно перелила серебристую жидкость в колбу и приготовила порошок из корня мандрагоры. Именно в этот момент в моей голове снова вспыхнула мысль о Радоне, о его обещании вернуться, о словах «Я всегда выберу тебя».

— Адептка Лавинская, — резкий голос профессора Мериана вырвал меня из задумчивости. — Будьте внимательны! Вы добавляете слишком много порошка!

Его предупреждение прозвучало слишком поздно. Я с ужасом увидела, как серебристая жидкость в колбе начала пузыриться и менять цвет с серебристого на тёмно-фиолетовый. Пузырьки поднимались всё быстрее, жидкость нагревалась, и вдруг — вспышка!

Колба раскололась с громким треском, и содержимое выплеснулось на мою форменную юбку. Я почувствовала жжение даже сквозь ткань, а затем увидела, как материал начинает дымиться, расплзаться и обугливаться.

Профессор Мериан, быстро начертил в воздухе сложный знак, небольшая вспышка и жидкость на моей одежде мгновенно застыла, прекратив разъедать ткань, а затем застывшая субстанция осыпалась с моей одежды, оставив после себя небольшие дыры и тёмно-бордовые пятна, похожие на за-

пёкшуюся кровь.

— Адептка Лавинская! — профессор Мериан выглядел одновременно встревоженным и раздражённым. — Вы не пострадали?

Я ощупала себя и покачала головой, с ужасом рассматривая повреждения на одежде.

— Мне очень жаль, профессор, — пробормотала я, чувствуя, как щёки заливают краска стыда. — Я... отвлеклась.

— Это очевидно, — сухо ответил Мериан. — Ваша форма непригодна для дальнейшего ношения. Вам придётся обратиться к завхозу после занятий. А сейчас присядьте и наблюдайте за экспериментами других адептов. На сегодня ваше участие в практической части закончено.

Я кивнула и отошла к задним рядам, всё ещё ощущая на себе любопытные и насмешливые взгляды других студентов.

После урока, когда все разошлись, я подошла к профессору Мериану.

— Профессор, я искренне прошу прощения за свою невнимательность, — начала я. — Обещаю, что такого больше не повторится.

Мериан оторвал взгляд от своих бумаг и пристально посмотрел на меня. Его взгляд смягчился, и в нём промелькнуло что-то похожее на сочувствие.

— Адептка Лавинская, — сказал он, откладывая перо. — Я знаю о ваших... личных обстоятельствах. Новости в академии распространяются быстро.

Я почувствовала, что снова краснею. Неужели вся академия уже судачит о нас с Радоном?

— Это ваше дело, — продолжил профессор, — но позвольте дать вам совет: не позволяйте личным переживаниям влиять на вашу учёбу. Особенно в таких опасных дисциплинах. Сегодня пострадала только ваша форма, но в следующий раз невнимательность может стоить вам здоровья или даже жизни.

— Я понимаю, — тихо ответила я. — Спасибо за ваше понимание, профессор.

— Что касается вашей одежды, — он кивнул на изуродованную мантию, — боюсь, завхоз вряд ли сможет помочь в середине года. Возможно, вам придётся приобрести новую за свой счёт.

С этими словами он вернулся к своим бумагам, давая понять, что разговор окончен.

Я вышла из лаборатории и направилась в административное крыло, где располагался склад.

Завхоз академии, седая женщина с узким, словно высохшим лицом и острым, цепким взглядом, встретила меня неприветливо. Её тонкие губы сжались в ещё более тонкую линию, когда она увидела состояние моей мантии.

— Что случилось с вашей формой, адептка? — спросила она, не предлагая мне сесть.

Я объяснила, что произошло в лаборатории, стараясь показать, как сильно раскаиваюсь в случившемся.

— Профессор Мериан сказал, что, возможно, у вас есть запасные комплекты...

Интендант прервала меня резким движением руки.

— Запасные комплекты выдаются только в исключительных случаях, — отрезала она. — И то только после письменного разрешения ректора Драгонхарта.

— А мой случай? — рискнула спросить я.

— В вашем случае, адептка Лавинская, — в её голосе прозвучал лёд, — это обычная неаккуратность и невнимательность. Вам придётся носить эту форму до конца года или купить новую за свой счёт.

— Но как же я пойду на занятия в таком? — я указала на дыры и пятна.

— Это ваша проблема, — интендант уже отвернулась к своим шкафам с документами. — Можете попытаться починить, если у вас есть навыки. Или обратитесь к ректору за специальным разрешением. Но я бы не советовала беспокоить его по таким пустякам.

С этими словами она дала понять, что аудиенция окончена.

Я вышла со склада, чувствуя, как внутри нарастает отчаяние. Новая школьная форма стоила целое состояние — по крайней мере, для меня. Мои скромные сбережения таяли с каждым днём, и без работы в городе я не могла их пополнить.

Мысль о работе заставила меня горько усмехнуться. Перед отъездом в Гиблый лес Радон так старательно «защи-

щал» меня от необходимости работать, обойдя все заведения города и запретив им брать меня в услужение. А теперь, когда его не было рядом, этот «благородный» жест обернулся против меня.

Я вернулась в свою комнату и попыталась оценить нанесенный ущерб. Дыры были слишком большими, чтобы незаметно заштопать их, а пятна не отстирывались, сколько бы я ни тёрла их мылом с водой и даже магия их не брала. В конце концов, я просто нашла несколько старых тряпок подходящего цвета и попыталась нашить их изнутри, закрыв самые заметные повреждения. Результат был далёк от идеала, но определенно лучше чем было.

Пятый день без Радона выдался особенно тяжёлым. Новости о внезапном отъезде Радона и Селены породили новую волну слухов и сплетен. Я слышала перешёптывания за спиной, замечала, как замолкают разговоры, когда я вхожу в аудиторию, чувствовала, как меня оценивают и обсуждают.

К вечеру я была измотана физически и эмоционально. В столовой я села за самый дальний стол, стараясь не привлекать внимания. Еда казалась безвкусной, а мысли всё больше наполнялись тревогой. Деньги заканчивались, форма была испорчена, а Радона всё не было. Что, если он вообще не вернётся? Как я продержусь до конца года?

Когда я подошла, чтобы сдать поднос, то случайно услышала разговор поваров у кухонной двери.

— ...Агнес совсем слегла, — говорила пожилая женщина

с румяным лицом и седыми волосами, выбивающимися из-под поварского колпака. В руках она держала большой черпак, которым недавно разливала суп по тарелкам. — Лекарь сказал, что у неё жар и ей нужен полный покой как минимум на пару недель, а то и больше.

— Но как же мы справимся без неё? — отозвалась вторая повариха, чьи руки были по локоть в мыльной воде. Она как раз домывала последнюю партию тарелок. — На мне и так вся посуда после ужина, а тебе ещё печь хлеб к завтрашнему утру. Кто будет убирать столовую? Кто будет мыть полы?

— Я не знаю, Марта, — вздохнула первая, вытирая вспотевший лоб тыльной стороной ладони. — Может, удастся нанять кого-нибудь из города, но это так хлопотно — оформлять пропуска, разрешения... Да и кто согласится приходить каждый вечер? Это же не дневная работа.

Я замерла, прислушиваясь. Внезапно меня осенила идея. Оглянувшись и убедившись, что рядом никого нет, я осторожно приблизилась к кухонной двери.

— Простите, — тихо произнесла я. — Я случайно услышала ваш разговор. Кажется, вам нужна помощь с уборкой столовой?

Поварихи обернулись. Та, что постарше, с румяным лицом и черпаком в руке, окинула меня внимательным взглядом с головы до ног. Её глаза задержались на моей залатанной мантии, и в них промелькнуло что-то похожее на понимание.

— А ты кто такая, детка? — спросила она, и в её голосе не было того холода, с которым меня обычно встречали в академии.

— Меллина Лавинская, я здесь учусь, — представилась я. — Я... — я замялась, но затем решила говорить прямо. — Мне нужна работа. И если вам нужен кто-то на замену заболевшей... я могла бы помочь.

— А у тебя есть опыт такой работы? — спросила вторая повариха, вытирая руки о фартук. — Это не так просто, как кажется. Столы, стулья, полы — всё нужно привести в порядок до отбоя.

— Я работала в таверне «Весёлый гном» в городе, — ответила я. — У мистера Торвальда. Там я делала всё — от подачи еды до уборки в конце дня. У меня есть опыт.

— В «Весёлом гноме»? — старшая повариха подняла брови. — У старика Торвальда? Это суровая школа! Он не держит лентяев и неумех.

Я кивнула, чувствуя, как внутри зарождается робкая надежда.

— Но как же твои занятия? — спросила женщина по имени Марта. — У адептов же строгий распорядок дня.

— Я могла бы работать по вечерам, после ужина, — быстро ответила я. — Когда все основные занятия уже закончены. Уборка, мытьё полов — я справлюсь с этим до отбоя.

Поварихи переглянулись, и я заметила, как в их глазах мелькнул интерес.

— Знаешь, Берта, — сказала Марта своей старшей коллеге, — это может сработать. Нам действительно нужен кто-то, кто будет убирать после ужина. Агнес всегда этим занималась, а теперь, когда она заболела...

Берта задумчиво почесала подбородок.

— Но она же студентка, — возразила она. — Нужно разрешение от руководства академии. А может, даже от самого ректора.

— Можно попробовать, — предложила Марта. — Что мы теряем? Спросим завтра, если разрешат — хорошо. Если нет — будем искать дальше.

— Ты права, — кивнула Берта и снова посмотрела на меня. Её взгляд был добрым, но оценивающим. — Приходи завтра после ужина, девочка. Если всё будет согласовано, приступишь к работе.

— А если не будет? — осторожно спросила я.

— Тогда, по крайней мере, мы накормим тебя чем-нибудь вкусным с кухни, — подмигнула мне Берта. — Ты выглядишь так, будто тебе не помешает хорошая еда.

Я поклонилась, чувствуя, как щиплет глаза от непрошенных слёз благодарности.

— Спасибо вам! — сказала я.

— Иди, иди, — добродушно махнула рукой Берта. — Завтра после ужина я жду тебя здесь.

Я кивнула и поспешила к выходу из столовой, впервые за эти дни чувствуя, что темнота впереди немного рассеивает-

ся. Конечно, это была всего лишь работа на кухне, но для меня она означала возможность продержаться, не опускать руки, пока ситуация с Радонем не прояснится.

Той ночью, сидя на краю кровати и глядя на лунный свет, проникающий сквозь неплотно задёрнутые шторы, я позволила себе то, чего не позволяла все эти дни, — всерьёз задуматься о том, что Радон может не вернуться.

Что, если давление семьи оказалось слишком сильным? Что, если древние традиции, родовые клятвы и долг наследника перевесили его чувства ко мне? В конце концов, кто я такая? Полукровка без гроша за душой, без связей, без положения в обществе. Почему наследник одной из самых могущественных семей королевства должен выбирать меня вместо своего долга?

Мысль об этом причиняла почти физическую боль, но я заставила себя рассмотреть её со всех сторон. Я должна быть готова к этому, должна научиться снова полагаться только на себя.

С этими тревожными мыслями я наконец погрузилась в беспокойный сон, в котором Радон снова и снова уезжал, оставляя меня одну, а тени вокруг постепенно сгущались, образуя странные узоры — то ли защищая меня, то ли заманивая в свои объятия.

Уважаемые читатели! Если вам понравилась книга, я очень этому рада В этом случае поставьте, по-

жалуйста, лайк Ну, а если ещё и добавите в библиотеку и напишете коммент, я буду на седьмом небе от счастья, а прода будет писаться ещё быстрее Подпишитесь, пожалуйста, на мою страничку, чтобы быстрее всех узнавать о новостях и обновлениях: <https://litnet.com/shrt/gSnW>

Пламя камина окрашивало кабинет лорда Харвина Крега в золотисто-багровые тона, придавая висящим на стенах портретам предков зловещий вид. Массивный стол из чёрного дерева, казалось, занимал половину просторной комнаты. За ним сидел лорд Харвин, постукивая пальцами по полированной столешнице — единственный признак волнения, который он позволял себе демонстрировать.

Двери кабинета распахнулись без стука. Радон стремительно вошел, все еще в дорожной одежде, с растрепанными от быстрой езды волосами. Он остановился перед столом отца, не склоняя головы и не делая традиционного поклона.

— Ты хотел меня видеть, — сказал он, и это было не вопросом, а утверждением. — Я здесь.

Лорд Харвин медленно поднялся из-за стола. Его высокая фигура, облачённая в тёмно-синий камзол с серебряной вышивкой фамильного герба, отбрасывала длинную тень на каменный пол.

— Ты наконец соизволил явиться, — голос лорда Харвина был холоден, как сталь. — Я ожидал тебя раньше.

— Дорога заняла время, — ответил Радон, выдерживая тяжёлый взгляд отца. — Что случилось? Почему ты вызвал меня из Академии посреди учебного семестра?

Лорд Харвин обошёл стол и остановился прямо перед сы-

ном. Теперь, стоя лицом к лицу, они казались отражениями друг друга: один старше, с сединой в тёмных волосах и глазами, полными горечи и опыта; другой моложе, с открытым взглядом и решительным выражением лица.

— Что случилось? — лорд Харвин повторил вопрос сына с оттенком недоверия. — После того позора, который ты устроил в Академии? После того, как опорочил имя Крегов, связавшись с... — он сделал паузу, подбирая слово с максимальным презрением, — ...этой полукровкой?

Радон сжал кулаки, но голос остался ровным:

— Её зовут Меллина. И она моя девушка.

От камина отделилась тень — лорд Гарет, брат Харвина и дядя Радона, всё это время молча наблюдавший за разговором.

— Радон, одумайся! — воскликнул он, делая шаг вперёд. — Ты хоть понимаешь, что говоришь? Весь свет смеётся над тобой! Наследник Крегов и какая-то нищенка из таверны!

Радон резко повернул голову к дяде:

— Меня не волнует, что говорит свет или ты, дядя. Моё решение принято.

Лорд Харвин ударил кулаком по столу, и звук эхом разнёсся по кабинету. Впервые его самообладание дало трещину.

— РЕШЕНИЕ?! — голос сорвался на крик. — Какое решение может быть у мальчишки, который забыл о своём долге, о чести рода, о клятвах, данных богам и людям?! Ты обручён с Селеной Бернид! Этот союз скреплён кровью наших

предков!

— Клятва, данная без моего согласия, не имеет силы, — твёрдо ответил Радон. — Я не женюсь на Селене. Никогда. Я разорву эту помолвку.

Лорд Харвин втянул воздух, словно от физической боли.

— Ты. Не. Смеешь, — отчеканил он. — Ты хоть представляешь себе последствия? Позор для двух великих родов! Финансовые потери! Потеря влияния! Ты готов пожертвовать всем ради... мимолетного увлечения?

— Это не увлечение, — Радон смотрел отцу прямо в глаза, и в его взгляде не было страха, только упрямая решимость. — Я люблю её.

Лорд Харвин рассмеялся коротким, злым смехом.

— Любишь? Драконы не «любят», Радон. Они выбирают партнёров, достойных их крови, их статуса. Они создают союзы, укрепляющие род. А эта... девчонка... что она может дать тебе, кроме минутного удовольствия и вечного позора?

— Она даёт мне то, чего не даст ни одна чистокровная аристократка, воспитанная для сделок и интриг, — голос Радона стал тише, но в нём звучала такая искренность, что даже лорд Харвин на мгновение замолчал. — Она настоящая.

Радон сделал шаг вперёд, его глаза горели внутренним огнём:

— Ты хоть раз в жизни испытывал такое чувство, отец? Когда рядом с человеком ты... становишься больше, чем был? Когда простое прикосновение к её руке наполняет те-

бя силой, которой не было раньше? — его голос дрогнул. — Она нужна мне как воздух. Без неё я задыхаюсь, словно мои крылья связаны и не дают мне расправить их во всю мощь.

Он провёл рукой по волосам, и лорд Харвин заметил, как дрожат его пальцы.

— Только рядом с ней я дышу полной грудью. Только с ней моя магия не просто бурлит — она поёт, отец! Поёт, словно в моих жилах не кровь, а жидкий огонь. Каждое заклинание становится сильнее, каждое превращение — легче.

Радон на мгновение закрыл глаза, пытаясь совладать с эмоциями.

— Рядом с ней я живой.

— Это гормоны говорят, племянник! — фыркнул Гарет. — Пройдёт пара лет, и ты будешь смеяться над своей глупостью! А пятно на репутации рода останется навсегда!

Лорд Харвин снова опустился в кресло, его голос стал тише, но опаснее:

— Ты не понимаешь, во что ввязался, Радон. Дело не только в помолвке, не только в репутации. Ты играешь с силами, которые тебе не по зубам. Эта девчонка... она не так проста, как кажется. Есть ... могущественные силы ... которые заинтересованы в ней.

Радон нахмурился:

— О чём ты говоришь? Кто заинтересован?

— Поверь мне, сын, ты должен отказаться от этой затеи. Ради твоей же безопасности. Ради безопасности нашего ро-

да.

— Ты пытаешься меня запугать? — Радон покачал головой. — Снова манипулируешь? Я не откажусь от Меллины. Мой выбор сделан.

Лорд Харвин медленно поднялся, обошёл стол и остановился прямо перед Радоном. Их взгляды встретились — два дракона, готовые к схватке.

— Твоя невеста СЕЛЕНА! — рыкнул Харвин.

— Мне не нужна она!

— У меня есть компромисс, — произнёс отец неожиданно спокойным голосом.

Радон настороженно посмотрел на него:

— Какой компромисс?

— Лорд Бернид прибудет завтра, — сказал лорд Харвин. — Вместе с обеими дочерьми — Селеной и младшей, Мараной.

— И что? — Радон нахмурился. — Я не хочу видеть Селену.

— Возможно, тебе больше понравится Марана, — лорд Харвин произнёс это почти небрежно, но наблюдал за реакцией сына с напряжённым вниманием. — Она младше Селены, более мягкая. И не менее красива.

— Ты предлагаешь мне просто... заменить одну сестру на другую? — Радон не верил своим ушам. — Как будто я выбираю лошадь на рынке?

— Я предлагаю тебе компромисс, — повторил лорд Хар-

вин. — Не понравилась тебе старшая, так бывает, бери младшенькую. Брак с Мараной позволит соблюсти договор между нашими родами.

Радон горько усмехнулся, и в этой усмешке было столько боли, что даже лорд Харвин на мгновение замолчал.

Он сделал шаг к отцу, и что-то в его взгляде заставило лорда Харвина напрячься.

— Я искал компромисс, отец. Правда искал. Пытался найти путь, который устроил бы всех. Но его нет. — Его голос стал тише. — Мне не нужна другая, только Меллина. Без неё я... не могу. Как будто часть меня отрезали. Когда я не вижу её несколько дней, меня трясёт, как в лихорадке. Когда я вижу, что она просто разговаривает с другим мужчиной, мой дракон встаёт в боевую стойку. Это... — он запнулся, подбирая слова, — это выше меня. Сильнее меня. Я не могу... не могу дышать вдали от неё — произнёс он почти шёпотом.

Лорд Харвин внимательно наблюдал за сыном, и в его глазах появилось странное выражение — смесь узнавания и страха. Но быстро овладев собой, он покачал головой:

— Это не имеет значения. Чувства проходят. Долг перед родом — нет. Так будет правильно и безопасно, Радон. Я уже потерял твою мать. Я не собираюсь терять ещё и сына из-за какой-то вертихвостки.

— Не смей так её называть, — глаза Радона опасно сузились, в них мелькнули алые искры — признак пробуждаю-

щейся драконьей ярости.

— Я буду называть её так, как захочу, — отрезал лорд Харвин. — Эта девочка — угроза всему нашему роду. И ты бы понял это, если бы не был ослеплён своей... привязанностью.

— Это не просто привязанность, — голос Радона дрожал от сдерживаемого гнева. — Это гораздо больше. Глубже. Сильнее.

Лорд Харвин вздохнул, словно ожидал именно такого ответа.

— Тогда у меня не остаётся выбора, — сказал он, и в его голосе снова зазвучала сталь. — Ты останешься здесь, в поместье. Под моим присмотром. Пока не придёшь в себя и не поймёшь, что такое долг Кrega. Твоя связь с академией и с этой девчонкой будет прервана.

Радон смотрел на отца с вызовом:

— Ты не можешь запереть меня здесь.

Лорд Харвин улыбнулся холодной, лишённой тепла улыбкой:

— Ошибаешься, сын. Я могу. И я сделаю это. Стража!

Двери кабинета распахнулись, и на пороге появились двое крепких воинов в фамильных доспехах Крегов.

— Не смей... — Радон отступил на шаг, его руки сжались в кулаки, в глазах вспыхнули алые искры.

— Возьмите его, — приказал лорд Харвин. — Отведите в восточную башню, в его старые покои. И проследите, что-

бы он не покидал их без моего разрешения. И заберите все средства связи.

Воины приблизились к Радону. Он бросил на отца последний взгляд, полный ярости и отчаяния, но понимал, что сопротивление бесполезно — в стенах родового гнезда власть отца была абсолютной.

— Ты пожалеешь об этом, отец, — произнёс он тихо.

— Нет, Радон, — лорд Харвин смотрел, как стражники берут его сына под руки. — Это ты пожалеешь, если не одумаешься. Сильно пожалеешь.

Дверь за Радонем и стражниками закрылась. Лорд Харвин медленно вернулся к столу и тяжело опустился в кресло, проведя рукой по лицу. Маска самообладания спала, обнажив усталость и глубокую тревогу.

Гарет подошёл к столу:

— Ты думаешь, это поможет? Он упрям, как все Креги.

— У нас нет другого выхода, Гарет, — лорд Харвин посмотрел на брата тяжёлым взглядом. — Месяц. Всего месяц, чтобы заставить его одуматься. Иначе Драконхарт... — он не закончил фразу, но Гарет понял всё без слов. В кабинете снова воцарилась гнетущая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием углей в камине.

Вела войну с низким давлением и победила, ловите проды одну за другой.

Сумрак восточной башни медленно просачивался сквозь высокие стрельчатые окна, наполняя комнату серыми тенями. Радон сидел на подоконнике, прислонившись спиной к каменной кладке. Четыре дня. Четыре бесконечно долгих дня заточения. Стены, некогда дарившие ощущение защищённости, теперь давили на него со всех сторон, руны-подаватели, искусно вплетённые в резьбу, тихо гудели, вытягивая из него магию, убивая его сущность медленно и верно, как яд.

Нетронутый обед стоял на столе — как и вчера, как и позавчера. Аппетита не было. Внутренний огонь едва теплился, придавленный магией стен, а мысли о Меллине и её возможной судьбе отбивали всякое желание есть.

Гарет заходил дважды за сегодня, чтобы «поговорить по-мужски». Радон молчал, глядя сквозь дядю тяжёлым взглядом, пока тот не сдавался и не уходил, качая головой.

— Сколько можно упрямиться, племянник! — в сердцах бросил Гарет, уходя во второй раз. — Ты делаешь только хуже. Себе, отцу, всему роду. Твой отец на грани. Если ты не образумишься, он исключит тебя из числа наследников рода. Вся твоя жизнь пойдёт прахом из-за какой-то девчонки из таверны!

Радон не ответил. Какой смысл? Они не понимали, не мог-

ли понять. Для них Меллина была вертихвосткой, угрозой, помехой. Для него же — кислородом в лёгких, огнём в крови, единственным, что имело значение.

Он провёл ладонью по глазам. Голова гудела от магического истощения. Ломка без Меллины становилась всё невыносимее, особенно когда его собственная магия была подавлена. Иногда ему казалось, что он буквально чувствует, как в нём умирает часть души.

Скрип двери вырвал его из мрачных раздумий. На пороге стоял стражник — не из старых, преданных семье воинов, а молодой парень, недавно поступивший на службу. С таким было легче всего разговаривать — он ещё не проникся благоговейным почтением к семье Крег и воспринимал Радона как обычного заключённого, а не как наследника великого рода.

— Лорд Радон, — он отдал честь по-военному. — Лорд Харвин просил передать, что прибыли лорд Бернид с дочерьми. Ваш отец требует вашего немедленного присутствия в большом зале.

Радон медленно отвернулся к окну, не удостоив стражника ответом.

— Лорд Радон! — в голосе юноши послышались неуверенные нотки. — Мне приказано не уходить без вас. Лорд Харвин сказал, что вы должны... — он слегка замялся, — хорошо вести себя перед гостями.

— Передай моему отцу, — голос Радона был хриплым по-

сле долгого молчания, — что я не выйду. Моё решение не изменилось. Я не собираюсь участвовать в этом фарсе, выбирая между двумя сёстрами, как на рынке невест.

— Но... — стражник потоптался на месте, явно не зная, что делать. — Лорд Харвин будет в ярости.

— Это не моё дело, — отрезал Радон. — Ты можешь силой тащить меня в зал, если хочешь. Или передай отцу мои слова.

Стражник нерешительно помедлил ещё несколько секунд, затем, поняв, что другого ответа не получит, молча вышел. Радон слышал, как его шаги гулко отдавались на каменной винтовой лестнице, ведущей вниз с башни.

Он снова остался один. Интересно, что отец скажет старому Берниду? Как объяснит отсутствие предполагаемого жениха? Впрочем, какая разница.

Сгустились сумерки, и Радон не стал зажигать свечи. В темноте было проще думать. Проще представлять, что он не здесь, не в этой тюрьме, а рядом с ней — тёплой, живой, настоящей. Он закрыл глаза, вызывая в памяти образ Меллины: россыпь веснушек на переносице, зелёные глаза с золотыми искрами у зрачков, рыжие волосы, пахнущие травами и оседающим после дождя пеплом. Как она сейчас? Ждёт ли его? Или она уже решила, что он предал её, бросил, сделал выбор в пользу обязательств перед семьёй?

Тихий стук в дверь заставил его вздрогнуть. Это точно не отец — лорд Харвин никогда не стучал, считая это ниже сво-

его достоинства. И не дядя — визиты Гарета обычно сопровождались тяжёлыми шагами по коридору и покашливанием, предупреждающим о его приходе.

— Войдите, — сказал Радон, ожидая увидеть стражника с ужином, который он всё равно не станет есть.

Дверь приоткрылась, пропуская полоску света из коридора, и на пороге показалась хрупкая фигура. Это была не служанка и не стражник. В комнату бесшумно скользнула Марана Бернид.

— Лорд Радон, — произнесла она, грациозно делая реверанс. — Надеюсь, я не помешала вашим размышлениям.

Радон удивлённо поднял брови. Он не ожидал увидеть младшую дочь лорда Бернида. После их первой встречи два дня назад, когда её предложили ему в качестве замены Семене, он думал, что девушка будет избегать его.

— Леди Марана, — он слегка поклонился, соблюдая этикет, несмотря на обстоятельства. — Не ожидал вас увидеть.

Марана кивнула, входя в комнату. За её спиной маячил стражник, но по знаку юной леди он отступил, оставив дверь приоткрытой.

— Ваш отец считает, что нам стоит лучше узнать друг друга, — сказала она, и Радон уловил в её голосе нотку иронии. — Учитывая... обстоятельства.

— Обстоятельства, — эхом отозвался Радон, усмехнувшись. — Вы имеете в виду, что ваша сестра настаивает на помолвке, а вас предлагают в качестве... альтернативы?

Он ожидал, что девушка смутится или обидится, но Марана лишь улыбнулась уголками губ. В этой полуулыбке было что-то неожиданно зрелое для её юного возраста.

— Именно, — просто ответила она. — Довольно неловкая ситуация для нас обоих, не так ли?

Радон не мог не оценить её прямоту. В этом она разительно отличалась от своей старшей сестры, которая любила ходить вокруг да около, играть словами, манипулировать.

— Присаживайтесь, леди Марана, — он указал на кресло у окна. — Если уж нам суждено поговорить, то хотя бы с комфортом.

Девушка грациозно опустилась в кресло, расправив складки платья. Радон заметил, что её движения были исполнены естественного изящества, лишённого той вычурности, которую так культивировали в высшем обществе.

— Вы любите её? — внезапно спросила Марана, глядя на него своими янтарными глазами, такими похожими на глаза её сестры, но без тени высокомерия.

Радон вздрогнул от неожиданности. Такой прямой вопрос был почти неприличным по меркам аристократии.

— Я... — он запнулся, но затем решил ответить так же прямо. — Да. Люблю.

Марана кивнула, словно услышала именно то, что ожидала.

— А она вас?

— Почему вы спрашиваете? — Радон нахмурился, не по-

нимая мотивов девушки.

— Потому что я хочу знать, с чем имею дело, — просто ответила она. — Если это просто увлечение, страсть, которая скоро угаснет, то, возможно, вам стоит подумать о предложении моего отца. Но если это настоящее чувство... — она сделала паузу, — тогда вам стоит бороться. Даже если это означает пойти против отца, против традиций, против всего мира.

Радон смотрел на Марану с растущим удивлением. Эта хрупкая юная девушка говорила с мудростью, которую редко встретишь даже у умудрённых опытом старцев.

— Она любит меня, — тихо ответил он. — И я готов бороться. Но... — он развёл руками, — как видите, мои возможности сейчас ограничены.

— Я не хочу этого брака, — прямо сказала она. — Не потому, что вы мне не нравитесь. Вы... достойный человек, Радон Крег. Любой девушке было бы лестно стать вашей женой. Но я не хочу быть запасным вариантом, заменой, политической необходимостью. — Она сделала паузу. — И у меня есть свои причины избегать брака по расчёту.

Радон внимательно посмотрел на девушку, пытаясь понять её мотивы.

— Есть кто-то другой? — осторожно спросил он.

Марана слегка покраснела, и это был первый раз, когда её выдержка дала трещину.

— Даже если и так, — тихо ответила она, — для таких,

как мы, личные чувства редко имеют значение. Разве не так, лорд Радон?

В её словах было столько горечи, что ему захотелось утешить эту храбрую, умную девушку, ставшую заложницей тех же обстоятельств, что и он сам.

— Так было раньше, — твёрдо сказал он. — Но времена меняются. И я намерен изменить их ещё больше.

Она вновь обвела взглядом комнату, и теперь Радон заметил, что в её глазах появился странный, почти хищный блеск. Марана подошла к стене, прислонив ладонь к рунам.

— Ваш отец очень основательный в своих мерах, — заметила она. — Эти подавители... они древние, редкие. Немногие семьи могут похвастаться такими артефактами в своём арсенале.

— Вы разбираетесь в таких вещах? — удивился Радон. Мало кто из юных аристократок изучал древнюю магию и артефакты.

— Немного, — скромно ответила Марана. — Скажем так, у меня был хороший учитель, — её голос стал едва слышимым, губы начали беззвучно шевелиться, произнося слова древнего заклинания. — Эти руны настроены на вашу кровь, на вашу магию. Но не на мою.

Пальцы девушки засветились тусклым серебристым светом, и Радон увидел, как символы медленно тускнеют, словно угасающие угли. Странное ощущение наполнило его тело — словно ледяная корка, сковывавшая его изнутри, начала

таять.

— Что вы делаете? — прошептал он.

— Временно нейтрализую руны, — спокойно ответила Марана, продолжая читать древнее заклинание. — Их нельзя уничтожить полностью — это сразу заметят. Но можно ослабить, примерно на час. Этого времени должно хватить, чтобы вы нашли путь из башни и покинули поместье, — Марана повернулась к нему. — Я могу ослабить руны, но не могу дать вам больше времени. Ваш отец почувствует изменение магического фона, но не сразу. Это даст вам фору.

— Почему вы помогаете мне? — спросил Радон, всё ещё не до конца доверяя неожиданной союзнице.

Марана улыбнулась, и в её улыбке было что-то грустное.

— Потому что я знаю, каково это — любить того, кого тебе не позволено любить, — тихо сказала она.

Она быстро подошла к двери и выглянула наружу.

— Путь свободен, — шепнула она. — Идите. У вас не так много времени.

Радон коснулся её руки:

— Спасибо, леди Марана. Я не забуду вашей помощи.

Она улыбнулась:

— Не благодарите меня, лорд Радон. Просто сделайте то, что должны.

Он кивнул и бесшумно выскользнул за дверь.

Утро наступило слишком быстро. Я с трудом разлепила веки, ощущая тяжесть во всём теле. Мысль о том, что нужно вставать и идти на занятия, причиняла почти физическую боль. Сколько прошло дней с отъезда Радона? Пять? Шесть? Они слились для меня в одну бесконечную серую полосу, наполненную перешёптываниями за спиной, косыми взглядами и бесконечной тревогой.

На первое занятие — теоретическую некромантию — я почти опоздала. Проскользнула в аудиторию за пару минут до появления профессора Мортема, проигнорировав любопытные взгляды однокурсников. Мне достался стол в самом дальнем углу, и я даже обрадовалась этому. Чем меньше внимания, тем лучше.

— Сегодня мы продолжим изучать теорию поднятия мёртвой материи, — начал профессор Мортем своим глубоким, гулким голосом, от которого у меня всегда мурашки бежали по спине. — Откройте учебники на странице двести сорок три...

Я автоматически выполняла указания, но мысли были далеко. Где сейчас Радон? Почему он не вернулся? Что сказал ему отец? Может быть, он просто... выбрал семью? Эта мысль была невыносимой, и я старательно отгоняла её, но она возвращалась снова и снова, как назойливая муха.

— Адептка Лавинская! — резкий голос профессора Мортема вырвал меня из задумчивости. — Я задал вам вопрос.

Я вздрогнула, поднимая глаза. Вся аудитория смотрела на меня, и в глазах большинства читалось злорадное предвкушение моего провала.

— Простите, профессор, — пробормотала я. — Не могли бы вы повторить вопрос?

Тонкие губы Мортема сжались в нитку.

— Я спрашивал, адептка, в чём основное отличие поднятия неживой материи от контроля над уже оживлённой субстанцией?

Я лихорадочно пыталась собраться с мыслями. Этот материал мы проходили ещё до моей поездки в Гиблый лес с Радоном. Казалось, с тех пор прошла целая вечность.

— Поднятие неживой материи требует больше начальной энергии, но меньше — для поддержания, — начала я, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно. — В то время как контроль над уже оживлённой субстанцией более экономичен с точки зрения энергии на старте, но требует постоянного притока магии для стабилизации.

Профессор некоторое время сверлил меня взглядом, затем кивнул:

— Приемлемо. Но я бы посоветовал вам уделять больше внимания занятиям, а не... другим вопросам.

По аудитории прокатились приглушённые смешки. Я почувствовала, как краснеют мои щёки, и уткнулась в учебник,

притворяясь, что внимательно изучаю схему некромантического круга.

Остаток занятия прошёл как в тумане. Я записывала конспект, отвечала, когда меня спрашивали, даже выполнила практическое задание — заставила перо проявить признаки осознанного движения, — но всё это было как на автомате, без души.

Когда урок был закончен, я собрала свои вещи и поспешила к выходу, стремясь избежать разговоров с однокурсниками.

— Меллина, — окликнул меня знакомый голос, когда я уже была в коридоре.

Я обернулась. Мирта стояла у стены, переминаясь с ноги на ногу.

— Привет, — осторожно произнесла я

— Ты в порядке? — спросил она, глядя на меня с искренней заботой. — Ты выглядишь... не очень хорошо.

Я попыталась улыбнуться, но губы только дрогнули.

— Всё нормально. Просто... много всего происходит.

Мирта кивнула, не отводя взгляда:

— Слушай, я знаю, что мы не особо общались, но... если тебе нужна помощь или просто поговорить... — она замаялась, — я рядом, ладно?

Ее слова тронули меня до глубины души.

— Спасибо, — искренне сказала я. — Я ценю это.

Она кивнула, неловко улыбнулась и пошла дальше по ко-

ридору. А я стояла, глядя ей вслед, и чувствовала, как на мгновение потеплело в груди. Может быть, не все отвернулись от меня.

В столовую на ужин я отправилась с опаской. Обычно это было самое оживлённое место в академии, где было сложнее всего избежать нежелательных встреч и разговоров. Но голод не оставлял мне выбора.

Взяв поднос с самой скромной порцией — супом и куском хлеба, — я направилась к самому дальнему столу, надеясь остаться незамеченной. Но, увы, судьба распорядилась иначе.

— Ой, смотрите, кто здесь! — раздался насмешливый голос у меня за спиной. — Личная зазноба наследника Крегов.

Я замерла, но не обернулась. Это была Тесля, одна из подруг Селены. Невысокая блондинка с острым языком и склонностью к интригам.

— Ты что, оглохла, Лавинская? — продолжила Тесля, подходя ближе. — Или решила, что теперь ты слишком важная персона, чтобы отвечать простым смертным?

Я глубоко вдохнула, пытаюсь сохранить самообладание:

— Я хочу поужинать, Тесля. Оставь меня в покое.

— Ой, ну надо же, она хочет покоя! — театрально всплеснула руками блондинка. — А ты знаешь, что хотела, Селена, когда узнала, что её жених, её законный жених, связался с какой-то таверной девкой?

Я стиснула зубы:

— Выбирай выражения!

— Ха! — Теслия подошла ещё ближе, почти вплотную.

— Думаешь, он выбрал тебя? Наивная дурочка! Радон Крег — наследник самого могущественного рода в королевстве. Думаешь, он откажется от своего наследства, от власти, от денег ради такой, как ты?

— Ты ничего не знаешь о нас, — прошипела я, чувствуя, как внутри меня поднимается волна гнева. Вокруг моих пальцев заплясали маленькие тёмные вихри — моя магия Теней реагировала на эмоции.

— Прошла уже неделя. Он не вернулся. И не вернётся, — Теслия смотрела на меня с презрительной жалостью. — Ты была для него развлечением, игрушкой. Неужели ты правда думала, что такие, как он, женятся на таких, как ты?

К горлу подступил комок, руки задрожали. Тени вокруг меня начали сгущаться, наливаясь чернильной темнотой. Я чувствовала, как моя магия рвётся наружу, стремясь защитить, ударить, отомстить... На мгновение мне показалось, что тени под ногами Теслии обретают форму, тянутся к её лодыжкам, готовые обвиться вокруг и...

Нет! Испугавшись собственной силы, я резко отпрянула. Поднос выскользнул из рук и с грохотом упал на пол, забрызгав мою многострадальную форму ещё и супом. По столовой прокатились смешки.

— Ой, как жаль, — притворно вздохнула Теслия. — Теперь придётся снова просить у папочки Радона денег на но-

вую одежду? Или, может, у тебя есть другие способы заработать?

Я не ответила. Я не могла оставаться здесь ни секунды дольше. Моя магия, обычно послушная, сейчас бурлила, как кипящий котёл, и я едва сдерживала её.

Я развернулась и быстро пошла к выходу, чувствуя, как тени колышутся за моей спиной, словно плащ, видимый только мне. Злой голос Теслии догнал меня:

— Беги, беги! Это всё, что ты умеешь делать!

Я почти выбежала из столовой, не разбирая дороги. Тени струились по моим рукам, клубились вокруг лодыжек, реагируя на мои неконтролируемые эмоции. К счастью, меня никто не видел — все были в столовой, а коридоры пустовали. Я сделала глубокий дрожащий вдох, заставляя себя успокоиться, загоняя магию обратно внутрь. Медленно, очень медленно тени отступили, растворяясь в обычном вечернем полумраке..

Свернув за угол, я неловко врезалась в кого-то и, отшатнувшись, подняла взгляд. Сердце бухнуло в груди и пропустило удар — передо мной, высокий и как всегда безупречный, стоял ректор Драгонхарт собственной персоной.

— Адептка Лавинская, — его глубокий бархатный голос, который мог одновременно успокаивать и вселять тревогу, прозвучал неожиданно мягко. — Меллина...

То, как он произнёс моё имя – не официально, а с какой-то личной, почти интимной интонацией, – заставило

что-то нервно дрогнуть внутри. В последние дни его внимание становилось все более... настойчивым.

— Господин ректор, — я сделала шаг назад, инстинктивно сложив на груди руки, словно это могло защитить меня от его пронзительного взгляда. — Простите, я вас не заметила. Задумалась.

— Ничего страшного, — он слегка улыбнулся, но улыбка не коснулась его серебристых глаз, которые внимательно, почти ощупываяще, изучали мое лицо. — Я как раз искал вас.

— Ищали... меня? — я напряглась еще сильнее. После всех его намеков, после той книги и разговоров в Гиблом лесу, его поиски не сулили ничего простого. Особенно теперь, когда Радона не было рядом.

— Да, — кивнул он, и его взгляд задержался на пятнах на моей одежде, заставив меня смутиться еще больше. — Сегодня ко мне приходили с кухни. Берта, если не ошибаюсь. Похоже, у них заболела одна из работниц. Она упомянула, что вы была бы не против помочь.

Я удивленно моргнула. Берта действительно обратилась сразу к нему?

— Идёмте, — он мягко, но властно коснулся моего локтя, указывая на лестницу, ведущую в административное крыло. Его голос стал еще тише, почти интимным. — Давай обсудим это в моём кабинете. Там нам никто не помешает.

От его прикосновения по руке пробежала волна холодных

мурашек. Что-то в его словах, в предложении уединиться «чтобы никто не помешал», заставило меня внутренне содрогнуться. Но нужда была сильнее страха.

Я молча последовала за ним по гулким коридорам. Мы поднялись на несколько этажей, миновали портретную галерею с суровыми лицами основателей академии и остановились у массивной дубовой двери с бронзовой ручкой в виде свернувшегося дракона.

— Прошу, — сказал он, открывая дверь и пропуская меня вперёд.

Его кабинет был мне знаком — просторный, с высокими сводчатыми потолками и стенами, от пола до потолка уставленными древними фолиантами в кожаных переплетах. Огромный письменный стол из отполированного черного дерева занимал центральное место. За широким стрельчатым окном виднелся внутренний двор академии, погружающийся в лиловые вечерние сумерки.

— Присаживайся, — ректор указал на одно из двух глубоких, обитых тёмно-зелёным бархатом кресел, стоявших у камина. Рядом, на низком столике, уже стояли две чашки и маленький серебряный чайник. Будто он ждал именно меня.

Я осторожно опустилась на краешек кресла. Ректор сел напротив, так близко, что я могла бы рассмотреть мельчайшие искорки в его глазах. От него исходил едва уловимый запах дерева, озона и чего-то древнего.

— Как ты себя чувствуешь, Меллина? — спросил он, и

в его голосе прозвучала неподдельная, казалось бы, забота.
— После отъезда лорда Крега... ты кажешься несколько... подавленной.

Упоминание о Радоне снова резануло по сердцу.

— Я в порядке, господин ректор, — солгала я, нервно теребя край мантии.

— Ты совсем не умеешь лгать, Меллина, — мягко улыбнулся он. — Это одно из твоих многочисленных достоинств. Почти такая же редкость, как твоя... уникальная магия.

Я вскинула на него удивлённый, почти испуганный взгляд.

— Меллина, — продолжил он, его голос стал тише, он слегка подался вперёд. — Я знаю, что ты переживаешь непростые времена. И я хочу помочь.

Его серебристые глаза встретились с моими. Снова это странное ощущение дежавю.

— Помочь? — мой голос прозвучал слабо.

— Да, — он кивнул, и его рука скользнула во внутренний карман камзола. Он извлёк небольшой кожаный кошелек. — Прими это. Как знак моей... — он сделал многозначительную паузу, — ...личной заботы о тебе.

Слово «личной» и это настойчивое "ты" заставили по моей спине пробежать ледяные мурашки.

— Меллина, — произнёс он еще тише, и его взгляд стал глубоким. — Я думаю, ты уже догадываешься, что между нами существует особая связь. Древнее предсказание...

Я вздрогнула.

— Я не хочу принуждать тебя, — продолжил он, видя мою реакцию, его голос оставался мягким. — И не собираюсь использовать своё положение или твою нынешнюю уязвимость. Но позволь мне хотя бы немного облегчить твоё бремя. Без всяких условий. Без обязательств. Просто... прими мою помощь.

Его искренний тон, забота в глазах — всё это обезоруживало.

— Это очень... очень щедро с вашей стороны, господин ректор, — сказала я, с трудом подбирая слова. — Я... я ценю вашу заботу. Но я не могу принять эти деньги.

Его брови слегка приподнялись.

— Вот как? — он не выглядел удивленным. — Могу я узнать причину твоего отказа?

Я собралась с духом.

— Я... я всегда сама зарабатывала на жизнь, господин ректор. Своим трудом. Я не хочу быть обязанной. Никому.

— Даже зная о нашей... возможной связи? — тихо спросил он, и в его голосе мне почудилась тень разочарования.

— Именно поэтому, — твёрдо ответила я. — Если предсказание верно... если в будущем нас действительно что-то должно связать... я хочу, чтобы это произошло между равными. А не между благодетелем и той, кто зависит от его щедрот.

На его лице отразилось легкое разрожение, смешанное с

усмешкой.

— Ты удивительная девушка, Меллина Лавинская, — произнёс он после недолгого молчания. — Независимая. Гордая, несмотря на все трудности. Это редкое качество.

Ректор некоторое время молча изучал меня. В его взгляде было что-то глубже, темнее, почти... собственническое.

— Хорошо, — он кивнул наконец. — Если это твоё окончательное решение, я не буду настаивать. Более того, — он поднялся, — я помогу тебе с работой.

Он подошёл к столу, быстро начертил несколько строк и скрепил текст печатью.

— Вот, — он вернулся и протянул мне документ. — Официальное разрешение на работу. Завхоз и управляющий кухней будут уведомлены. Никто не станет тебе препятствовать.

Я приняла бумагу.

— Спасибо, господин ректор, — мой голос прозвучал искренне. — Я... я не ожидала.

— Я уважаю твоё стремление к независимости, Меллина, — сказал он, и его голос снова стал мягким. — Но помни, что моё предложение о... иной помощи всегда в силе. Если ты передумашь... если тебе понадобится что-то ещё... моя дверь для тебя всегда открыта.

Он произнёс моё имя с такой особенной нежностью, но глазах снова мелькнуло, хищное выражение.

— И, Меллина, — добавил он, когда я уже направлялась к двери. — Не позволяй никому заставить тебя чувствовать

себя недостойной. Ты... особенная. Гораздо более особенная, чем ты сама можешь себе представить.

Я не знала, что ответить, поэтому просто кивнула и быстро вышла.

Только спустившись, я позволила себе сделать глубокий вдох. Тревожное чувство не покидало.

Но сейчас у меня была работа.

— Я справлюсь. Я должна— сказала я себе, направляясь на кухню.

Работа на кухне оказалась тяжелее, чем я представляла. После целого дня лекций, после изнурительных тренировок у профессора Стальграда, где каждое движение отдавалось болью в натруженных мышцах, мыть горы жирной посуды, оттирать въевшиеся пятна со столов и до блеска натирать каменные полы огромной столовой было настоящим испытанием. Но я стискивала зубы и работала, не позволяя себе жаловаться. Берта и Марта, кухонные феи, оказались на удивление добрыми и участливыми. Они подкармливали меня остатками самого вкусного рагу, делились последними академическими сплетнями и старались подбодрить, видя мою смертельную усталость.

Прошла неделя с тех пор, как Радон уехал. Я старалась не думать о плохом, цеплялась за его обещание вернуться, за ту решимость, что горела в его глазах. Но с каждым новым рассветом, не приносящим вестей, вера таяла, как снег под весенним солнцем.

В этот вечер я была особенно измотана. Последняя партия котлов, казалось, весила целую тонну, а спина отказывалась разгибаться. Столовая давно опустела, лишь тусклые магические светильники, отбрасывали дрожащие тени на вымытые столы. Я заканчивала протирать пол у самого выхода, когда тяжёлая дубовая дверь с оглушительным скрипом рас-

пахнулась, заставив меня вздрогнуть и выронить тряпку.

На пороге, в раме дверного проёма, очерченный мягким светом коридорных магических кристаллов, стоял он. Радон.

Он выглядел так, словно прошёл через все круги ада. Бледный, с резко заострившимися чертами лица, с тёмными тенями под глазами. Его дорожный плащ был покрыт слоем пыли и, кажется, а тёмные волосы, обычно так тщательно уложенные, сейчас беспорядочно падали на плечи. Но глаза... его глаза, с вертикальными драконьими зрачками, горели прежним неукротимым огнём, когда он смотрел на меня.

— Меллина... — выдохнул он, и в этом простом слове, в его хриплом, надтреснутом голосе было столько всего — невыносимая усталость, горькое облегчение, всепоглощающая радость и затаённая боль.

Я замерла, не веря своим глазам. Тряпка так и осталась лежать у моих ног. Время словно остановилось. А потом я бросилась к нему, забыв обо всём — об усталости, о грязных руках и фартуке, о том, что мы посреди пустой столовой и нас может увидеть кто угодно. Он заключил меня в объятия, так крепко, так отчаянно, словно боялся, что я растворюсь в воздухе. Я уткнулась лицом в его плащ, пропахший дорожной пылью и чем-то неуловимо знакомым, родным, чувствуя, как по щекам неудержимо катятся слезы. Не слезы горя, а слезы облегчения, такого огромного, что, казалось, я сейчас просто задохнусь от них.

— Ты вернулся, — прошептала я, мой голос срывался. —

Ты... ты действительно вернулся...

— Я обещал, — хрипло ответил он, его руки гладили мои волосы, спину, прижимали всё сильнее. Он отстранился ровно настолько, чтобы заглянуть мне в лицо, и большими пальцами осторожно вытер влажные дорожки с моих щёк. — Я всегда буду возвращаться, Меллина. Всегда.

Тени в углах столовой, казалось, на мгновение сгустились, словно откликнувшись на бурю эмоций, бушевавшую во мне. Я привыкла к этому едва заметному резонансу, к тому, как окружающая тьма иногда отзывается на мои самые сильные чувства, но старалась не придавать этому значения, боясь привлечь ненужное внимание.

Радон, слишком поглощенный моментом, кажется, ничего не заметил.

— Что... что случилось? — спросила я, судорожно всматриваясь в его уставшее, но такое любимое лицо. — Твой отец?.. Он...

— Пойдём, — он мягко взял меня за руку, его ладонь была горячее и сильной. — Не здесь. Поговорим в твоей комнате. Здесь нас могут услышать. Я на мгновение опомнилась, вспомнив о своих обязанностях.

— погоди, — я высвободила свою руку, хотя сердце протестовало против этого движения. — Я должна предупредить Берту. Я не могу просто так уйти, я же обещала закончить.

Радон нахмурился, его взгляд снова скользнул по моему

переднику и оставшейся работе.

— Берту? — в его голосе прозвучало непонимание, смешанное с раздражением. — Кто это? И что ты здесь вообще делаешь, Меллина? Хорошо еще, что доверился своему чутью и направился в столовую, а не к тебе.

Прежде чем я успела ответить, из кухонной двери, привлеченная, видимо, нашими голосами, выглянула сама Берта. Увидев Радона, она удивленно округлила глаза, но быстро взяла себя в руки.

— А, Меллина, милая, ты еще здесь? — она добродушно улыбнулась, затем перевела взгляд на Радона, и в ее глазах мелькнуло любопытство, смешанное с уважением к его аристократической внешности, несмотря на дорожную пыль. — Добрый вечер, молодой лорд.

— Берта, простите, — я подошла к ней. — Ко мне... ко мне приехал... друг. Я могу уйти сейчас? Я почти все закончила.

Берта окинула нас понимающим взглядом.

— Конечно, деточка, иди, — она махнула рукой. — Остальное я сама доделаю, не переживай. Рада, что твой... друг нашелся. А то ты совсем извелась.

Я благодарно улыбнулась ей.

— Спасибо вам большое, Берта!

— Да будет тебе, — отмахнулась она и снова скрылась за кухонной дверью.

Я повернулась к Радону, который все это время молча и

с каким-то мрачным выражением лица наблюдал за нашим коротким разговором.

— Теперь можем идти, — сказала я, снимая передник и бросая его на ближайший стул.

Мы вышли из столовой и направились по тихим, пустынным ночным коридорам академии, освещаемым ровным, немигающим светом магических кристаллов. Как только дверь столовой закрылась за нами, Радон остановился и резко повернулся ко мне.

— Так ты объяснишь мне, что все это значит? — его голос был низким и напряженным, в нем уже не было той мягкости, что звучала мгновение назад. — Какая Берта? Какая работа? Почему ты моешь полы в столовой, Меллина?

Его взгляд буравил меня, и я почувствовала, как внутри снова поднимается знакомое упрямство, смешанное с обидой.

— Мне нужны были деньги, Радон, — я выпрямила спину, встречая его взгляд. — После того, как ты «позаботился» о моей работе в «Веселом гноме», а потом исчез на целую неделю, мне пришлось как-то выживать. Агнес, помощница поваров, заболела. Я предложила свою помощь. Ректор дал разрешение.

Слово "ректор" заставило Радона напрячься еще сильнее. Его челюсти сжались.

— Ректор? — переспросил он, и в его голосе появились ледяные нотки. — Он знал, что ты будешь здесь... вот так?

И он... помог тебе получить эту «работу»?

— Да, — честно ответила я. — Я сама его попросила. Мне нужна была новая форма после... инцидента в лаборатории. И деньги на жизнь.

Радон провел рукой по лицу, словно пытаясь стереть усталость и растущий гнев.

— Но почему ты не дождалась меня? Неужели ты думала, что я не вернусь? Что я оставлю тебя без поддержки?

— А что я должна была думать, Радон? — мой голос дрогнул. — Ты исчез. Не было никаких вестей.

Он несколько мгновений молча смотрел на меня, и в его глазах боролись гнев, боль и какое-то отчаянное понимание.

— Пойдём в твою комнату, — наконец сказал он уже более спокойным, но все еще напряженным тоном. — Нам действительно нужно многое обсудить.

Крепко держа меня за руку, он повел меня дальше по коридору. Я чувствовала, как его пальцы слегка дрожат — от усталости или от все еще не отпустившего его напряжения. Он не рассказывал ничего по дороге, и я тоже молчала, понимая, что главный разговор еще впереди.

В моей крошечной, убогой камерке он устало опустился на единственный колченогий стул, который жалобно скрипнул под его весом. Я присела на край своей жесткой кровати, не сводя с него глаз, боясь, что если моргну, он исчезнет.

— Отец был в ярости, — начал Радон наконец, его взгляд был устремлен в пол, словно он снова переживал те тяжелые

моменты. — Он... он не понял. Или не захотел понять. Запер меня в восточной башне, пытался сломить, заставить отказать от тебя. Предлагал... — он горько усмехнулся, — ...Марану Бернид в качестве более подходящей партии.

— Марану? Сестру Селены? — ахнула я.

— Да, — кивнул Радон. — Как будто это что-то меняет. Я отказался. Сказал, что мой выбор сделан. Тогда он... — голос Радона на мгновение дрогнул, — он лишил меня основного наследства. Финансовой поддержки. Всего, что связано с главным домом Крегов. Он надеялся, что нужда, страх перед будущим заставят меня подчиниться его воле.

Моё сердце болезненно сжалось. Я знала, как много для него, для любого дракона из древнего рода, значили семья, наследие, положение. И он отказался от всего этого... из-за меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.